

на теоретическом уровне. Назрела также необходимость совместного постановления Президиумов ВС РФ и ВАС РФ, направленного на уточнение и расширение положений Постановления Пленума ВС СССР от 04.02.29.

И.Т. Венрева

**«КАК ВЫ ЯХТУ НАЗОВЕТЕ, ТАК ОНА И ПОПЛЫВЕТ»,
или О МИФОЛОГИЗАЦИИ ИМЕНИ ГОРОДА**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
грант 04-04-83404 а/У

Данная работа вызвана интересом к функционированию имени города. Исследовательское внимание будет обращено на причины актуализации в сознании горожанина ассоциаций, вызываемых внутренней формой имени, на степень участия имени в мифотворчестве и харизматике города.

Мотивировка любого имени исторична и социальна. Мотивировка имени собственного является фактором экстралингвистическим в первую очередь. В момент возникновения имени признак, положенный в основание номинации, сохраняется в сознании современника. Пройдя исходный момент номинации, слово начинает свою новую жизнь в качестве имени собственного. При этом имя становится просто функциональным знаком, не требующим поддержки внутренней формой. Этимологическая информация становится избыточной, она не нужна для функционирования знака. Но ассоциации, которые имели место в момент наименования, в определенные исторические моменты могут актуализироваться, модифицируясь и дополняясь. Диахронная многослойность, которая проистекает из смены культурных представлений, из новых наращений смыслов в концептосфере современника, способствует созданию мифологем обыденного сознания, основанных на образе, положенном в основу имени. Конструирование мифологии города как дискурса с неопределенной степенью достоверности происходит в контексте индустриальной

эпохи при ориентации мифологического сознания на создание новой России.

Размышления по поводу возможностей изменения образа города под влиянием смены его имени, особенностей восприятия имени и отношения к нему в условиях различного исторического контекста мы продолжим конкретными наблюдениями над жизнью топонима. Речь пойдет о Свердловске /Екатеринбурге.

Номинация топонимических объектов может происходить по разным основаниям [Суперанская 1973]. Особое место в топонимии занимают символические имена, данные в честь идей, исторических событий, в честь деятелей современности. Эти имена изначально представляют собой лексические единицы с яркими идеологическими коннотациями. С изменением политической ситуации топонимы либо совсем исчезают, либо подвергаются переосмыслению, не связанному больше с когда-то яркой идеологической добавкой.

Так случилось и с номинацией уральского горнозаводского города, названного в 1723 году в честь жены Петра Первого Екатерины Екатеринбургом. Известно письмо Геннина, одного из основателей города, императрице Екатерине о том, что город назван в ее честь.

Важными ингредиентами содержания топонима Екатеринбург, кроме информативной функции, являлась функция идеологическая и как сопутствующая – эмоциональная. «Царское» имя – это не только подарок императрице, но и осмысление предназначения города. Это и своеобразная переключка с Санкт-Петербургом, и возможность придания городу статуса неофициальной столицы Среднего Урала, столицы уральских заводов, центра на карте России.

Идеологическое имя в эпоху крупных социальных перемен тяготеет к переименованию. Ономастический переворот, следующий за переворотом политическим, дает возможность зачеркнуть идеологическую информацию, заключавшуюся в его прежнем названии. Поэтому после Октябрьской революции в 1923 году в год 200-летия города впервые возникла мысль переименовать Екатеринбург. В послереволюционной России негативная эмоциональная оценка имени начинает превалировать над информационной. Страницы уральских газет того времени со-

хранили накал политических страстей вокруг имени города, негативных оценок, связанных с именем Екатерины. Приведем в качестве иллюстрации одно из таких высказываний: *Известны бурные скитания Екатерины в роли «солдатской женки» при русской армии. Петр 1 одновременно с Меньшиковым делил ее любовные ласки. На престоле пьянствовала, развратничала, наконец, пьяная умерла.*

При выборе нового имени вновь пошли по «идеологическому» пути: была использована модель названия–посвящения. В этот раз было выбрано имя большевика Я.М. Свердлова, судьба которого отчасти была связана с Уралом: «товарищ Андрей» побывал в Екатеринбургской тюрьме, в Николаевских арестантских ротах Верхотурского уезда и нарымской ссылке.

Выбранное идеологическое имя имеет сильное эмоциональное наращение. Газетные высказывания тех лет – свидетельство положительной эмоциогенности имени: *Свердловск – это революционное имя, которое с гордостью будет носить центр Красного Урала. Имя Свердлова стоит того, чтобы им назвать Екатеринбург.* Характеристика исторических лиц часто представлена в виде противопоставления: *Столь заслуженная в делах революции столица Урала все еще носит имя царицы-развратницы. Заслуги Свердлова перед лицом пролетариата слишком известны; Разве мы для того устраивали мозолистыми руками радио, водопровод, телефон, электростанцию, чтобы все это числилось за Екатеринбургом, а не за Свердловском.*

На пленарном заседании городского Совета 14 октября 1924 года было решено «переименовать Екатеринбург в Свердловск в память Уральского подпольного работника–большевика Я.М. Свердлова (товарища Андрея), прекрасного и стойкого борца за свободу рабочих и крестьян, организатора и агитатора, одного из постоянных ближайших помощников товарища В.И. Ленина и председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов».

Город Свердловск просуществовал с 1924 по 1991 год. Смена имени (от императрицы Екатерины к товарищу Андрею) привела к потере образа «столичного» города. Возникла потребность наполнить новое имя другими мифологическими смыслами, сформировать доминанту города, которая бы выделила его

среди других уральских городов–заводов. В этот период истории Урала «жизненно необходимой региону фигурой» [Литовская 2004: 34] оказался П.П. Бажов со своей «Малахитовой шкатулкой». Бажов оказался своеобразным мифотворцем нового Урала. Он прозорливо нашел мифологическую основу, с помощью которой ему «удалось вывести регион из оппозиции центр – периферия» [Там же: 35]. Бажов сместил акценты: главным героем он сделал простого рабочего человека, превращающего камнерезное ремесло в искусство. Выдуманные им Данила–мастер с Хозяйкой стали для Екатеринбурга, как Петр Первый для Петербурга. Предоставив слово в своих сказках простому человеку, Бажов поднял на пьедестал истории рабочего–мастерового, что отражало основную тенденцию существующей идеологии. Выдуманная писателем региональная мифология оказалась созвучной обыденному сознанию уральцев. Малахитовая шкатулка, ящерицы, Хозяйка Медной горы, Серебряное копытце, Огневушка–поскакушка и множество других запоминающихся волшебных героев и предметов прочно ассоциируются с Уралом. Бажов «создал своего рода квинтэссенцию уральскости, объединяющую интересы разных обитателей Урала» [Литовская 2004: 37]] и помогающую не только сформировать имидж, но и определить свою идентичность.

Крах тоталитарной системы, кардинальные общественно-политические реформы 90-х гг. вновь стимулировали актуализацию внутренней формы имени, усилили его эмоциональную составляющую. Из функционального знака с ослабленной этимологией топоним Свердловск становится предметом столкновения мировоззренческих установок. История повторилась: имя Свердлова потеряло свою привлекательность по причине слома коммунистического режима, смены идеологической системы. Общественная дискуссия вокруг имени города в 1991-м перекликается с обсуждением в 1923–24 гг.: то же противостояние систем ценностных ориентаций, тот же накал политических страстей. Но в 90-е гг. сместился акцент в обсуждении проблемы. Главным пунктом дискуссии стал вопрос: оставить новое, «советское», имя или вернуться к прежнему.

Перечислим основные аргументы необходимости смены имени, прозвучавшие в последней дискуссии.

1. Нежелательная коннотация имен Екатерины и Свердлова. Положительную и негативную окраску имеют оба имени. Эта полярность взглядов современников отражает амбивалентность массового сознания в период перемен.

См. положительную характеристику Екатерины: *Что, разве доказано, что Екатерина I была пьяницей и развратной бабой при живом муже? Может, авторы таких заметок шлялись с ней по кабакам и борделям?*

См. отрицательную характеристику Екатерины *Меня как женщину оскорбляет перспектива жить в городе, носящей имя дамы, чьи исторические заслуги сводятся к тому, что судьба занесла ее в постель к царю, а не к плотнику или унтер-офицеру. Увековечивание ее имени неизбежно будет одобрено и сам принцип «через постель». А если по этому принципу можно дать имя городу, то почему нельзя таким образом защищать диссертации, трудоустраиваться на «теплые» места, ездить на базар в служебной машине мужа и т.д. Ведь все это – звенья одной цепи.*

См. положительную характеристику Я.М. Свердлова: *А если бы Я.М. Свердлов дожился до 30-х годов, не миновать бы ему участи загубленных миллионов людей, и ныне пришлось бы его реабилитировать. Интересно, стали бы тогда переименовывать город?*

См. отрицательную характеристику Я.М. Свердлова: *Свердлов практически для города сделал мало.*

Иногда горожане сравнивали двух исторических деятелей: *Спросил у молодых ребят, знают ли, к чьему имени призывают вернуться. И услышал ответ: Пусть город лучше носит имя любой проститутки, но не коммуниста.*

2. Историческая память как высшая ценность в период перемен. Историческое сознание отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом: *Вопрос идет не о переименовании города, а о восстановлении первоначального его исторического названия. И, следовательно, не имеет значения ни личность того, в честь кого город был назван, ни личность того, в честь кого он переименован. Для нас должны быть важны только историческая справедливость и воля основателей города. Чем дальше отстоит прошлое от современности, тем большей*

ценностью оно обладает. Но парадоксально следующее: несмотря на всеохватывающую ревизию и критику событий советского периода, для многих горожан значимым периодом истории остается «свердловский» период: *Для меня не безразлично то, что я родился в Свердловске, что Свердловск для меня – часть моей души, а не просто топоним. Свердловску скоро исполнится 70 лет. Разве это не исторический факт? Зачем же его перечеркивать. Можно давать разную оценку этому периоду истории, но от этого историей он быть не перестанет.*

3. «Нерусскость» имени. Этот аргумент всегда присутствовал при попытках переименования Екатеринбурга (предложение о пересмотре немецких наименований было высказано Российским Министерством внутренних дел в 1914 году во время войны с Германией и носило рекомендательный характер): *Память об иноземном «бурге» – не русская память. Еще нам «бургов» не хватало; названия наших улиц в центре и название самого города напоминает несуществующую оккупацию: сплошь немецкие и прочие имена. Мы должны очистить свой исторический город от нашествия. При обсуждении номинации «Свердловск» всплыла антисемитская тема: Мы должны дать почувствовать евреям ответственность за грехи революции и те последствия, к которым она привела. Противоположное мнение: Почему города Жданов, Калинин, Молотов перестали носить имена русских деятелей тоталитарного режима, и это никто не считает проявлением русофобии.*

4. Несвоевременность переименования по экономическим причинам: *Мы нищие, кругом разруха и тратит деньги на это безумие. Поколения нас не простят.* Этот аргумент также оспаривался: *Мы будем есть один хлеб с водой, но решение горсовета выполним.* Авторы прямо противоположных высказываний одинаковы по социально-возрастному статусу: оба пенсионеры, инвалиды.

5. Одним из аргументов было полное безразличие к тому, как назван город, забвение внутренней формы имени: *Непонятно, что изменится от того, что наш город будет называться Екатеринбургом.*

Подводя итог аргументам «за» и «против» переименования города, необходимо отметить, что достаточно большая груп-

па участников дискуссии осуждала резкую переориентацию, демонстративное отрицание прошлого: *Нельзя просто так взять и объявить бывшего тирана-самодержца святым, а бывшего героя революции – палачом и людоедом. А как, например, быть с Петром 1, который построил Петербург на костях русского крепостного крестьянства. Никому в голову не придет переименовывать людей, так почему эта операция позволена над городами.*

После переименования прошло почти 15 лет. Горожане привыкли к новому имени. Как живет вернувшееся имя в новых условиях? Какие ассоциации оно вызывает? Проведенный опрос информантов (100 студентов Уральского университета и 40 госслужащих в возрасте от 30 до 50 лет) позволил узнать мнение горожанина.

Информантам были заданы вопросы: *Привыкли ли Вы к новому имени; хотели бы, чтобы город по-прежнему назывался Свердловск; оцените наименование «Екатеринбург» с точки зрения удобства употребления в речи, звучания, культурных ассоциаций; приведите известные вам разговорные номинации от имени «Екатеринбург» и его производных.* На основе полученных ответов удалось выделить два направления в современной жизни имени.

Первое направление – осознание «столичности» имени. Возвращенное имя возвратило старую легенду.

Результаты анкетирования показали, что подавляющее большинство екатеринбуржцев приняли новое имя, привыкли к нему, считают, что переименование – необходимый шаг для создания новой России. Среди аргументов, поддерживающих переименование, преобладало утверждение о том, что городу возвращено первоначальное имя, восстановлена историческая справедливость, у нового имени нет ассоциаций с советской эпохой.

Имя большинство информантов назвали благозвучным. При характеристике звуковой стороны номинации «Екатеринбург» подавляющее большинство информантов оценило слово как *красивое, удобное, звучное, благородное, солидное, высокое, благозвучное, мелодичное, звучит громко, приятное на слух, емкое и гордое, напевное, величественное, многозначительное, возвышенное, рядом с ним Свердловск звучит просто и незамысло-*

вато; поскольку Екатеринбург образовано от имени, а не от фамилии, то звучит роднее, не так официально.

Благозвучность имени «Екатеринбург» во многом определяется тем кругом ассоциаций, которые вызывает данный топоним. Если в 1990-х «нерусскость» второго компонента «бург» сложного топонима «Екатеринбург» скорее была недостатком, чем достоинством имени, но сейчас именно этот компонент вызывает самый широкий спектр положительных коннотаций: *красивое, так как иностранное звучание; как будто город старый; напоминает Гамбург, Санкт-Петербург; звучит более современно, по европейским стандартам; всего два бурга в России – Санкт-Петербург и Екатеринбург; ассоциация с Германией, Австрией, а это порядок, демократия и справедливость. ассоциация с Санкт-Петербургом – 2-й столицей, следовательно, Екатеринбург – 3-я столица.*

Мнение рядовых горожан коррелирует с социальной политикой, которую проводят власти Екатеринбурга. В нашем городе разработан комплексный общественный Проект стратегического развития [Чернецкий 2002], который поддерживает статус Екатеринбурга как центра Урала, как третьей столицы страны. В рамках стратегических направлений Плана разработчиками подготовлено 27 программ. Среди них – «Екатеринбург – культурный, спортивный и туристический центр».

В этой программе главное внимание обращается на проблему въездного туризма. Выделенные неповторимые черты Екатеринбурга поддерживают идею центра, столичности уральского города:

– Екатеринбург – *историческая столица* горнозаводского Урала; в облике города сохранились значительные элементы индустриального наследия XVIII–XIX вв. (Исторический сквер, Плотинка и др.), что делает его признанным *культурно-историческим центром*;

– Екатеринбург – город, где трудилось большое количество иностранных специалистов (инженеров, техников, ученых), его *планировка исторически является европейской (прямоугольные кварталы, перспективы, проспекты)* – это тем более поразительно, что он находится в Азии;

– Екатеринбург – *центр камнерезного ремесла*, которое является (наряду с каслинским литьем, златоустовской гравировкой на металле, невянской иконой и нижнетагильским подносным промыслом) признанной визитной карточкой Урала;

– Екатеринбург – *город, где в июле 1918 года были расстреляны последний российский император Николай II и его семья, ныне причисленные к лику святых Русской православной церкви*;

Екатеринбург – свидетельство эпохи индустриализации (соцгород Уралмаш, архитектура конструктивизма, сделавшая город единственным в мире хорошо сохранившимся памятником этого архитектурного стиля, составлявшего основу облика так называемого «города будущего»);

– Екатеринбург – *промышленный центр*, внесший огромный вклад в достижение победы над нацистской Германией;

– Екатеринбург – *один из форпостов перестройки в СССР и демократизации в России, город первого российского Президента*.

В отличие от других городов Екатеринбург имеет уникальный символический капитал, свою «изюминку», которой могут похвастаться только несколько городов мира. Екатеринбург – *самый крупный и самый восточный город на сухопутной границе частей Старого Света, это пограничный город между Европой и Азией*.

Таким образом, предложения по созданию нового имиджа Екатеринбурга совпали (или повлияли?) с мнением рядового екатеринбуржца, оказались в русле современных тенденций ориентации на западные образцы, внесли новое содержание в восстановленное имя города, отодвинув на задний план образ рабочего города, где главным действующим лицом был уральский рабочий. Смена имени, на наш взгляд, явилась составляющей этого процесса.

Второе направление в жизни топонима – тенденция к понижению пафосности, которое заключено во внутренней форме имени.

При самой доброжелательной характеристике имени информанты не могли не отметить громоздкости топонима, неудобства употребления в разговорной речи: *слово громкое, но длин-*

ное; сложно от него образовывать производные слова; длинновато, но солидно. Поэтому в живой речи уральского города мы встречаем варианты, которые реализуют, на наш взгляд, демократическую тенденцию развития современного русского языка. Она проявляется в стремлении к языковой экономии и усилении личностного начала в языковом творчестве.

Усиление динамичности развития современного мира, изменение его информационно-коммуникативных потребностей увеличили степень компрессии, сгущения информации, активность компактных вербальных средств. Наряду с доминированием разговорных универбов, возникших из многословных, в современной речи продуктивны и компактные номинации, образующиеся путем упрощения обозначений развернутых [Нещищенко 2003]. Одним из самых эффективных, активно используемых способов сжатия слова является аббревиация. Екатеринбург, создавая сокращенный вариант имени города, пошла по аббревиатурному пути, усекая первый компонент сложного слова до однофонемного «Е», оставив полным второй компонент «бург». Таким образом получилась номинация «Е-бург». Важную роль в этом процессе играет общая «устнизация», наблюдаемая не только при личном общении, но и в публичной коммуникации. Принятие жителями города разговорной единицы *Е-бург* позволила вновь созданной городской газете назваться «Город Е». Автором названия стала студентка одного из вузов города. Данная номинация дает возможность отнести единицу «Е» к неологизмам—аббревиатурам, которые в современном русском языке проявляют особую активность, выступая в составе композитов в роли аналитического прилагательного и становясь экспрессивным средством русского языка (ср. анализ словообразовательных гнезд с вершиной PR или CD [Попова 2003]): *е-буржцы*, *е-бурженка*, *е-бурженец*, *ебуржский*, *ебургский*.

Созданная по высокопродуктивному типу новая номинация активизирует языковое творческое начало горожанина, и на базе *Е-бурга* в разговорной речи появляется ироническое *Ё-бург*, созвучное табуированной обценной единице. Иногда это слово обыгрывается графической записью латиницей *Yo-burg*.

Языковая игра, реализуя потребность носителей языка в компактной номинации, проявляет себя во вновь созданныхokka-

зиональных единицах, образованных по другим моделям: *Бург* (полное сокращение первого компонента), *Катькинград*, *Катаринбург*, *Екабург* (упрощение полного имени *Екатерина* до сниженно-разговорного и окказионального), *Екат* (произвольное усечение имени), *Екб* (аббревиация по аналогии с *СПб*), *Катер* (по аналогии с *Питером*), *катаринобюргеры* и *катаринобюргерши* (обыгрывается немецкое происхождение второго компонента), *Екатериноград* (замена немецкого второго компонента слова на славянский вариант). Уместно заметить, что тенденция к коллоквиализации и языковой экономии в современной речи позволила ввести в оборот литературного языка сокращенную номинацию *Питер*, которая в начале XX века воспринималась как сниженная и не употреблялась образованными людьми.

В разговорной речи жители города могут употреблять старую номинацию *Свердловск*, которая удобнее в речевом обиходе, тем более область по-прежнему носит название *Свердловская*.

Полная номинация *Екатеринбург* является мотивирующей основой для производных слов *екатеринбургский* /*екатеринбургжский*, окказионального *екатерибуржить* (в сочетании *Поедем екатеринбургжить* – в значении «учиться в Екатеринбурге»). Любовь к родному городу можно объяснить стремление информантов положительно оценить трудные в произношении производные слова: *екатеринбургжцы* – *это лучше, чем жители Пензы; это же не Набережные Челны*. Компонент *бург* начинает обыгрываться в городских номинациях – например, в названии автомагазина *Ладабург*.

Подведем итоги нашим наблюдениям над функционированием нового топонима в речи уральцев. Опираясь на проведенный опрос, можно с уверенностью сказать, что новое имя принято и осознано жителями города как привычное, а потому и удобное. Ассоциативный ряд создает необходимый культурный фон, который позволяет высоко оценить «благозвучность» имени. Хотя в действительности момент благозвучности названия в топонимике не самый главный. «Основное назначение топонима – ориентация, а не украшение» [Суперанская 1973: 44]. Возвращенное городу имя возрождает идею столичности на новом витке развития. Особенность Екатеринбургу придают доминантные

черты, выделяющие город среди других промышленных мегаполисов. К ним прежде всего относится особый географический статус – граница между Европой и Азией, срединное положение на Урале (по сравнению с Пермью и Челябинском), богатое историческое прошлое, уникальность ряда событий, связанных с городом, новые грандиозные проекты.

Житель уральской столицы чувствует всю специфику нового имени. При общей тенденции к демократизации современной жизни «столичность» номинации устраняется за счет образования сокращенных вариантов. Громоздкость исходного имени создает основу для активизации языкового творческого потенциала. Горожанин в повседневной жизни ироничен по отношению к имени своего города. В подтверждение этого приведем шутливое высказывание, возникшее на местной почве: *Вы живете в Екатеринбурге, если в разговоре редко произносите название своего города полностью. Сокращенные же варианты звучат на грани приличия.*

Список литературы

Литовская М.А. Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции /Под ред. Н.П. Дворцовой. Тюмень, 2004.

Нещименко Г. Тенденции языковой экономии. Общие вопросы // Slowotworstwo/Nominacja. Opole, 2003.

Попова Т.В. Толерантность русского словообразования (на материале новообразований конца XX века) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Чернецкий А.М. Стратегия города Екатеринбурга и программа развития въездного туризма // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2002.